

Валентин Красногоров

Песнь Песней

Пьеса в двух действиях

ВНИМАНИЕ! Все авторские права на пьесу защищены законами России, международным законодательством, и принадлежат автору. Запрещается ее издание и переиздание, размножение, публичное исполнение, помещение спектаклей по ней в интернет, экранизация, перевод на иностранные языки, внесение изменений в текст пьесы при постановке (в том числе изменение названия) без письменного разрешения автора.

[Полные тексты всех пьес, рецензии, список постановок](#)

См. также мой сайт:

<http://krasnogorov.com/>

Контакты:

Тел. +7-951-689-3-689

(972)-53-527-4146, (972) 53-527-4142

e-mail: valentin.krasnogorov@gmail.com

Сайт: <http://krasnogorov.com/>

-© Валентин Красногоров

Предисловие автора

Немирович-Данченко утверждал: «Нет более замечательных сюжетов для нового театра, как в Библии». Ему вторил Вахтангов: «Надо инсценировать Библию». Задача столь же увлекательная, сколь и трудная. Романтическая пьеса на знаменитый библейский сюжет не может быть бытовой, она должна быть торжественной, приподнятой над повседневностью, ее герои не могут говорить современным убогим разговорным языком. Но если персонажи начнут изъясняться исключительно высоким стилем Библии, их язык может показаться выпреним, напыщенным и скучным; герои не будут казаться живыми людьми. Приходится искать компромиссы.

В основу пьесы положена история трагической любви великого царя и простой девушки из виноградника. Она целиком основана на библейских источниках: «Книге царств», «Экклезиасте», «Песне Песней». Источники скупы. Они лишь дают исходную пищу для воображения. Дворцовые интриги, заговоры, - и любовь, которая не боится даже смерти.

На сцене редко теперь появляются произведения, в которых затрагиваются вечные, общечеловеческие темы: войны и мира, любви и предательства, жизни и смерти, гуманизма и бесчеловечности, добра и зла. Чем значительнее персонажи произведения, тем больше возможностей показать эти темы во всей их глубине. В мировой истории не так уже много героев, сочетающих в себе черты, необходимые для высокой драмы. Среди них, бесспорно, наиболее интересны царь Соломон и его возлюбленная – девушка из народа Суламифь. Одухотворенный лиризм, глубина мысли, яркая эмоциональность, пышная красочность привлекали к «Песне Песней» выдающихся поэтов, прозаиков и композиторов разных времен – Пушкина, Державина, Вольтера, Куприна, Томаса Манна и др. Наше время требует новой трактовки этой легенды.

В центре пьесы стоит государственный деятель. Это расширяет возможности развития драматического конфликта. Руководителю страны надо решать не только личные проблемы, но и судьбы народа, вопросы общественного устройства, войны и мира. Глава государства, проводивший мирную политику в течение 40 лет, опередил свое время, когда война была естественным состоянием общества. Отсюда возникает дополнительная тема для драматурга – трагедия одиночества.

Царь Соломон – фигура полуполюгендарная. Это позволяет быть свободным от точного следования историческим фактам (а также от искажения фактов в угоду авторскому замыслу). В этом персонаже счастливо (для драматурга) сочетаются разные планы человеческой личности: по сложившейся традиции, он считается выдающимся государственным деятелем, мудрость которого вошла в пословицу, писателем, поэтом, знатоком человеческих душ и, в то же время, - человеком страсти, способным к ярким переживаниям.

Сильные страсти предполагают необходимость воплощения их не только через текст, но и посредством музыки. Пьеса написана для драматического театра, но имеет форму музыкальной драмы или мюзикла. Имеется [вариант и для музыкального театра](#). Количество музыкальных номеров может вводиться и изменяться в зависимости от замысла режиссера и возможностей театра.

Действующие лица:

ЦАРЬ СОЛОМОН

НУРИТ, его жена, дочь фараона

НАТАН, первосвященник

АХИСАР, военачальник, носящий титул "Друг Царя"

ИОСАФАТ, друг и секретарь царя

ГЕБЕР, начальник дворцовой стражи

СУЛАМИФЬ

ХОЗЯИН ВИНОГРАДНИКА

НАДСМОТРЩИК

ВЕЛЬМОЖИ, СТРАЖНИКИ, ПИСЦЫ, СЛУГИ

Действие первое

1. Заговор

Парадные покои в царском дворце. Из соседнего зала доносятся звуки торжественной музыки, приветственные клики, шум голосов. Входит военачальник Ахисар, в роскошном одеянии. Ему лет пятьдесят. Он обладает могучим сложением, его громкий голос даже в интимной беседе не теряет властного оттенка. Вслед за военачальником из зала выходит первосвященник Натан - старик с лицом аскета. Его глаза светятся умом, движения неторопливы и исполнены достоинства, голос тих и спокоен. Он одет в простую черную одежду.

АХИСАР. Не находишь ли ты, что прием слишком затянулся? Будь я царем...

НАТАН. Что бы ты сделал?

АХИСАР. Я бы немедля вышвырнул посла вон.

НАТАН. Да, требования фараона неслыханны.

АХИСАР. И на них может быть только один ответ - война! Будь я царем...

НАТАН. Но ты не царь. Ты только носишь титул Друга царя.

АХИСАР. *(Понизив голос.)* Послушай, Натан, могу ли я говорить с тобой откровенно?

НАТАН. По-моему, Ахисар, мы всегда были с тобой заодно.

АХИСАР. *(Бросив взгляд по сторонам.)* И вместе совершили одну и ту же ошибку.

НАТАН. Тринадцать лет назад?

АХИСАР. Я вижу, ты понял меня. Нам не следовало возводить на трон этого ублюдка. У Давида были и другие сыновья, сильнее и смелее, чем этот, и имевшие больше прав.

НАТАН. Но ты именно потому и хотел поставить царем Соломона, что он казался тебе самым слабым.

АХИСАР. Да, он слаб!

Из соседнего зала доносится шум пира.

Вот и теперь, вместо того, чтобы немедленно отослать посла прочь, он приказывает устроить в его честь тридцатидневный пир!

НАТАН. Ахисар, ты слишком горяч.

АХИСАР. Напротив, я слишком хладнокровен. Тринадцать лет я терплю на троне этого изворотливого говоруна! Ни одной войны! Где наши победы? Где былая слава?

НАТАН. *(С едва заметной иронией.)* Где добыча?

АХИСАР. Да, и добыча! Разве так было при Давиде! При нем мы делали, что хотели.

НАТАН. Если Соломон так слаб, почему ты и при нем не делаешь, что хочешь?

АХИСАР. Не цепляйся к словам, а лучше скажи - чего мы ждем? Ты - первосвященник, за тобой народ. Я - главный военачальник, за мной войско. Перед нашей объединенной силой не устоит ничто. Почему мы медлим?

НАТАН. Почему? Ты знаешь сам. *(Помолчав.)* Сказать?

АХИСАР. *(Мрачно.)* Не надо.

НАТАН. Нет, я все-таки скажу. Потому что мы его боимся.

АХИСАР. *(Помолчав.)* Может, привлечь к нашему делу начальника стражи? Он честолюбив.

НАТАН. Нет. Гевер никогда не пойдет с нами.

АХИСАР. Тогда я вызову в столицу войска.

НАТАН. И этим немедленно себя выдашь. Как объяснить царю, что накануне войны армия покидает рубежи?

АХИСАР. В таком деле можно пойти и на риск.

НАТАН. Напротив, в таком деле нельзя рисковать. *(Помолчав.)* Я попытаюсь сделать так, чтобы Соломон сам вызвал сюда солдат.

АХИСАР. *(Недоверчиво.)* Как ты это сделаешь?

НАТАН. *(Уклончиво.)* Возможно, в столице не сегодня-завтра вспыхнут волнения.

АХИСАР. С чего это вдруг?

НАТАН. *(Пожав плечами.)* Чернь всегда чем-нибудь недовольна... Тебе останется только позаботиться, чтобы были вызваны те войска, на которые нам можно положиться.

Входит Иосафат. Ахисар встречает его неприятным взглядом.

ИОСАФАТ. Царь продолжает беседу с посланцем фараона и нуждается в вашем совете.

НАТАН. Благодарю, Иосафат.

Иосафат уходит.

АХИСАР. В былые времена этот писец не смел бы поднять на меня глаза, а теперь говорит со мною, как с равным. Наш рифмоплет на троне совсем отодвинул меня в тень. Да и зачем военачальник, если нет войн?

Ахисар уходит. Входит Нурит.

НАТАН. *(Чуть заметно склоняясь.)* Мир великой царице! *(Хочет уйти.)*

НУРИТ. Постой. *(После некоторого колебания.)* Натан, помоги мне.

НАТАН. Я?

НУРИТ. Ты удивлен: царица просит о помощи своего злейшего врага. Но что мне остается делать? В этой стране у меня нет друзей.

НАТАН. Я не враг тебе.

НУРИТ. Не отпирайся, священник. За что тебе любить египтянку? Ты считаешь, что я привезла сюда чужую веру и чужие порядки, и боишься, что твое влияние пошатнется. Разве не так?

НАТАН. Чего же ты хочешь?

НУРИТ. *(Помедлив.)* Соломон охладил ко мне. Помоги мне вернуть его. Я сумею тебя отблагодарить.

НАТАН. Мне не нужно золота.

НУРИТ. Я дам тебе нечто большее. Как ты знаешь, мой отец потребовал, чтобы здесь свободно строились египетские храмы...

НАТАН. Царь не согласится на это.

НУРИТ. *(Насмешливо.)* "Не согласится"... Кто осмелится возражать фараону? Но если ты мне поможешь, Египет забудет свое требование.

НАТАН. Мне не нравится, что ты все еще чувствуешь себя дочерью фараона, а не женой царя.

НУРИТ. И мне это не нравится, но как я могу чувствовать себя женой царя, если он месяцами не входит в мои покои?

НАТАН. Говорят, ты привезла из Египта одурманивающие травы. Попробуй дать их настой царю.

НУРИТ. Эти травы действуют всего несколько часов.

НАТАН. А ты хочешь дурмана навечно? Что я могу тут сделать?

НУРИТ. Ты воспитал Соломона, он к тебе прислушивается.

НАТАН. Ты преувеличиваешь мое влияние.

НУРИТ. Попроси своего мрачного бога. Если он и вправду есть, пусть сделает так, чтобы царь вернул мне свое расположение. И тогда, клянусь, здесь не будет построен ни один египетский храм.

НАТАН. Хорошо, я попробую. *(С поклоном уходит).*

Входит Гевер.

ГЕВЕР. *(Преклоняя колени.)* Мир тебе, царица.

НУРИТ. Здравствуй, Гевер. Ты что-то часто стал попадаться мне на глаза.

ГЕВЕР. Обязанность начальника стражи - все время находиться во дворце.

НУРИТ. Ты должен научиться охранять, оставаясь невидимым. *(Хочет уйти.)*

ГЕВЕР. Царица...

НУРИТ. Что тебе?

ГЕВЕР. На днях ты забыла в беседке браслет... Возьми его.

НУРИТ. *(Принимая браслет.)* Спасибо. *(Удивленно.)* Откуда здесь такой крупный рубин? Раньше его не было.

ГЕВЕР. Да, раньше его не было...

НУРИТ. Как же я недогадлива! Я только теперь поняла - ты любишь меня! *(Гевер молчит.)* Ты любишь меня?

ГЕВЕР. Не гневайся, царица.

НУРИТ. Какая женщина рассердится, услышав признание?

ГЕВЕР. *(Схватив ее за руку.)* Тогда послушай меня, Нурит, моя любовь, моя царица! С той минуты, как я увидел тебя, умираю от страсти... Я все ночи напролет обнимаю твой призрак... Я готов для тебя на все... На все...

НУРИТ. *(Погладив голову юноши.)* Спасибо, Гевер. Давно никто не говорил мне таких слов, а всякой женщине нужно, очень нужно время от времени их слышать.

ГЕВЕР. *(Горячо.)* Нурит!

НУРИТ. Подожди. Повторяю, мне было приятно, и я не хочу тебя огорчать, но... ты - не царь.

ГЕВЕР. Разве это имеет значение в любви?

НУРИТ. Ты не понял меня. Соломона можно лишить власти, сделать батраком, одеть в рубище, и все равно он будет пленять и отталкивать, опутывать и очаровывать, подчинять и повелевать, потому что он царь и мужчина.

ГЕВЕР. *(С горечью.)* Как ты его любишь, царица. Не понимаю, как он может быть к тебе равнодушен.

НУРИТ. *(Яростно.)* Он - равнодушен?! Ты лжешь! Молчи! Ступай вон!

Гевер растерянно пятится к выходу. Нурит уходит в другую сторону. Звучит торжественный гимн. Появляется Соломон в сопровождении свиты. Царь в парадном одеянии. На его красивом лице, окаймленном короткой черной бородой, выражение усталости и равнодушия.

ЦАРЬ. Иосафат, увези меня куда-нибудь на вольный воздух. Мне нужно хотя бы несколько часов побыть одному.

Иосафат уходит. Свита покидает зал. Натан и Ахисар остаются с царем.

НАТАН. Что ты намерен ответить фараону, Соломон?

ЦАРЬ. Еще не знаю. Надвигается война. Страшная война.

АХИСАР. Похоже, ты боишься?

ЦАРЬ. Да, я боюсь.

АХИСАР. Всему есть предел. Если ты и на этот раз пойдешь на уступки, тебя никто не поймет. Стране нужен царь, способный защищать ее интересы и расширять ее территорию.

ЦАРЬ. Это твое мнение, Ахисар?

АХИСАР. Это мнение армии. Она хочет воевать.

ЦАРЬ. Очень хорошо, что у нашей армии такой боевой дух. Но постарайся понять, что у страны могут быть и другие задачи, кроме захвата территорий. Нам надо усовершенствовать письменность, упорядочить суды, обеспечить вдов и сирот, построить дома и совершить множество других дел. Для этого нужен мир.

АХИСАР. Но не любой ценой. Я тебя честно предупредил. Прощай. *(Уходит, не поклонившись.)*

НАТАН. Наш славный Ахисар храбр и горяч, но не слишком умен. Не стоит на него сердиться.

ЦАРЬ. С каждым днем у меня все меньше единомышленников. Скоро я останусь в полном одиночестве.

НАТАН. Мой мальчик, что тебя гложет? Ты все реже стал мне доверяться.

ЦАРЬ. Я люблю тебя по-прежнему, но - нет смысла скрывать - наши пути расходятся.

НАТАН. Да, к сожалению. *(Помолчав.)* Что у тебя происходит с Нурит?

ЦАРЬ. С Нурит? Ничего.

НАТАН. Вот именно на это она и жаловалась.

ЦАРЬ. Тебе?

НАТАН. Почему нет?

ЦАРЬ. Я очень устал. До свидания.

НАТАН. *(Оставаясь сидеть.)* Так какой же ответ ты дашь фараону?

ЦАРЬ. Я еще не решил.

НАТАН. Не хитри, Соломон.

ЦАРЬ. Я не отдам ему ни одного города и не стану платить дани.

НАТАН. Но ты уступишь в главном. Мне кажется, я уже слышу пение каменотесов, воздвигающих храмы чужим богам.

ЦАРЬ. Натан, еще три года назад ты совершал богослужения в палатке. Все ритуальная утварь нашего народа помещалась на скрипучей телеге, которую таскала тощая ослица. Теперь я выстроил первый в нашей истории храм, который все признают прекраснейшим на земле. Чего еще ты от меня хочешь?

НАТАН. Отдай врагам города, плати дань, продай половину народа в рабство, но сохрани веру в единого бога. Ведь народ объединяет не язык, не территория, а вера.

ЦАРЬ. Ты знаешь, я не противник веры. Я лишь против того, чтобы ее навязывали силой.

НАТАН. Ты любишь строить и благоустраивать. Но нужно ли это? Наши предки испокон века были и остаются свободными скотоводами и раскидывают свои шатры там, где им вздумается. Зачем привязывать их к земле? Зачем кочевнику дом и огород? Тебе кажется, что ты строишь, но на самом деле ты разрушаешь - да, Соломон, разрушаешь наши традиции и устои. Народ тобой недоволен.

ЦАРЬ. Особенно, если его подстрекают.

НАТАН. Не упрямясь. Уступи нам и в этот раз. Ведь я и те, кто со мной, сильны.

ЦАРЬ. Нет, Натан. Я хочу быть самим собой, а не тем, кем меня хотят видеть другие.

НАТАН. Соломон, я люблю тебя, как сына. Я вырастил тебя, расчистил тебе путь к власти, убрал законных наследников, возвел тебя на трон...

ЦАРЬ. Будь же и сейчас со мной, и мы останемся друзьями. Вот тебе моя рука.

НАТАН. *(Не принимая руки.)* Ты не уступишь?

ЦАРЬ. Нет.

НАТАН. Тогда тебе недолго осталось быть царем. Мне жаль тебя, Соломон. *(Уходит.)*

Входит Нурит. Соломон встречает ее поклоном.

ЦАРЬ. Мир великой царице!

НУРИТ. Опять церемониальный поклон и опять "великая царица"! Неужели нельзя просто поцеловать и сказать: "Здравствуй, милая!"" Или хотя бы просто "Здравствуй, Нурит!"

ЦАРЬ. Здравствуй, Нурит.

НУРИТ. Я счастлива, что наконец добилась аудиенции у собственного мужа. *(Садится.)* Мне нужно с тобой поговорить.

ЦАРЬ. Я устал. Твой отец опять угрожает войной, государственный совет заседает без перерыва, мои бывшие друзья хотят меня предать... Я не расположен сейчас выяснять супружеские отношения.

НУРИТ. Выходя замуж, я не так представляла себе нашу жизнь.

ЦАРЬ. Обычное заблуждение. Ты же умная женщина и должна была понимать, что наш брак - это всего-навсего символ примирения двух стран, попытка преодолеть вековую вражду...

НУРИТ. Забудь свои проклятые государственные интересы, посмотри на меня глазами обыкновенного мужчины и скажи - разве я не создана для любви?

ЦАРЬ. Да, Нурит, ты создана для любви. Ты - но не я.

НУРИТ. Но почему?

ЦАРЬ. Разум и опыт убивают чувство. Еще не испытал начала, я уже знаю, каков будет конец, а разве можно любить, когда знаешь все наперед? Ведь страсть всегда хоть немножко безумна, нелогична и необъяснима. Вероятно, потому и невозможна страсть в браке.

НУРИТ. Ты гордишься тем, что построил здесь несколько зданий, а в наших столицах уже тысячу лет назад возвышались великолепные дворцы и храмы. Но я согласилась жить среди скотоводов, в этом захудалом городишке, где нет не только певцов, художников, музыкантов, но даже приличного парикмахера. Я согласилась на это потому, что любила тебя и думала, что и ты меня любишь. Выходит, все была напрасно?

ЦАРЬ. Я не знал, что тебе так ненавистна моя столица.

НУРИТ. Ты - великий царь, но царство твое ничтожно. Обопрись на меня. Я могу дать тебе войско, влияние, золото, а со временем - и египетскую корону. Перед твоим умом и моей силой склонится полмира.

ЦАРЬ. Но мне не нужно полмира, Нурит. С меня хватит моего маленького царства.

НУРИТ. Твоего царства? А удержишь ли ты его? Посмотри правде в глаза. Трон твой шатается, священники недовольны, армия ропщет, полчища врагов ждут только повода, чтобы перейти границу. А ты бессильно наблюдаешь за приближением краха, не имея мужества покарать даже явных изменников.

ЦАРЬ. Дело не в мужестве, Нурит.

НУРИТ. Да, я знаю, ты не любишь крови. Но медлить нельзя, Соломон. Власть теряет величие, если ее перестают бояться. А тебя не бояться ни внутри страны, ни за ее пределами.

ЦАРЬ. Час уже поздний, и, право, мне нужно отдохнуть.

НУРИТ. И это все, что ты можешь мне сказать?

Царь молчит.

Я говорю тебе о любви, о готовности на любые жертвы, а ты отвечаешь только, что хочешь спать?

ЦАРЬ. Но я в самом деле хочу спать.

НУРИТ. Соломон, мне жаль тебя. Ты похож на засохшее дерево. Ты не веришь в любовь, а, может, и ни во что не веришь. Ты никогда теперь не смеешься. Никогда. И ты очень одинок. Разве я не права?

Царь не отвечает.

Я прошу - не ради себя, а ради тебя - идем ко мне. Что бы ни говорили мудрецы, мужчина и женщина могут найти счастье только в объятиях друг друга. Остальное неважно.

Царь молчит. Нурит берет его за руку.

Идем?

ЦАРЬ. Нурит, я сейчас отчаянно нуждаюсь в союзниках, и ты можешь им стать. Помоги мне, но не требуй взамен невозможного. Я не хочу идти к тебе.

НУРИТ. *(Жестко.)* Скажи правду - не стоит ли за твоей уклончивостью другая женщина?

ЦАРЬ. Нет.

НУРИТ. Запомни: если причина твоей холодности в тебе одном, я буду продолжать надеяться, но если... То берегись!

Входит Иосафат.

ИОСАФАТ. Прошу прощения, царица. *(Соломону.)* Колесница готова.

ЦАРЬ. Спасибо, друг мой. *(Целуя Нурит руку.)* Я прошу у царицы разрешения удалиться. Пусть сон твой будет спокоен, а пробуждение радостным, как утренние песни девушек на берегу Нила. *(Иосафату.)* Прикажи украсить покои великой царицы цветами.

Царь быстро уходит. Иосафат следует за ним. Нурит остается одна.

2. Встреча

Лужайка, окаймленная кипарисами. Вдали зеленеют горные склоны, покрытые виноградниками. Раннее весеннее утро, солнце еще не взошло. Царь в задумчивости сидит на грубой каменной скамье. Иосафат наблюдает за ним.

ИОСАФАТ. О чем ты задумался? О войне? О заговоре? О требованиях фараона?

ЦАРЬ. Я просто смотрю на муравейник - вечный для нас укор и загадку.

ИОСАФАТ. *(Подходит к Царю и вместе с ним наблюдает за муравейником.)* Что это загадка, я согласен. Но почему укор?

ЦАРЬ. Взгляни на муравья. У него ни начальника, ни надсмотрщика, но он без усталости трудится. И не для себя, а на общую пользу.

ИОСАФАТ. Люди тоже трудятся.

ЦАРЬ. Только если их заставляют. Человеческий муравейник держится на принуждении. Научатся ли люди когда-нибудь обходиться без насилия? Или оно заложено в их природе, как трудолюбие в инстинкте муравья?

ИОСАФАТ. Ты не прав. Люди ненавидят насилие.

ЦАРЬ. Разве ты не видишь, что творится вокруг?

ИОСАФАТ. И все же, человек от природы добр.

ЦАРЬ. Каждый человек в отдельности, может, и добр. Но человечество в целом - жестоко. Подумай сам - я прекратил войны, запретил человеческие жертвы в храмах и остановил смертные казни. Я пытаюсь опираться не на силу, а на разум. И что же? Ни у кого еще не было столько врагов, как у меня.

ИОСАФАТ. Великий царь...

ЦАРЬ. *(Поморщившись.)* Оставь. Перестань хотя бы здесь величать меня этим нелепым титулом.

ИОСАФАТ. Ты устал, Соломон, и потому желчен.

ЦАРЬ. Плыть против течения трудно не только потому, что почти не продвигаешься вперед. Главное, что ни на минуту нельзя остановиться и передохнуть. И все чаще я спрашиваю себя - а есть ли смысл в моем труде?

ИОСАФАТ. Ты хочешь отступить?

ЦАРЬ. Не знаю. Зачастую я бессилен даже в мелочах. Например, Ахисар, мой враг, носит пышный титул «Друг царя», а ты, мой настоящий друг и моя правая рука, - ты никто, ты просто Иосафат.

ИОСАФАТ. (*Улыбаясь*). Это твое упущение. Ты должен присвоить мне титул «Правая рука царя», или, еще лучше, «Левая нога». Тогда свои распоряжения я буду заканчивать словами: «Так хочет левая нога царя».

ЦАРЬ. (*Улыбаясь*). Клянусь, мы так и сделаем!

ИОСАФАТ. (*Становясь серьезным*). Зреет заговор, Соломон. Что ты намерен предпринять?

ЦАРЬ. (*Равнодушно*). Ничего.

ИОСАФАТ. Мне кажется иногда, что ты будто нарочно не замечаешь угроз врагов.

ЦАРЬ. (*Помолчав*). Ну хорошо. Поговорим о делах. Я не зря приказал устроить послу Египта тридцатидневный пир.

ИОСАФАТ. Но ведь так встречают только настоящих друзей!

ЦАРЬ. Правильно. И пусть слух об этом как можно скорее дойдет до Ассирии. Она не захочет нашей дружбы с их вечным противником и предложит нам союз. А пока готовь на всякий случай страну к войне. И поторопись. Когда кончится пир, может начаться похмелье. Нас отделяют от вторжения тридцать дней.

ИОСАФАТ. Слушаю, великий царь!

ЦАРЬ. Ты опять за свое. Неужели хотя бы здесь нельзя забыть об этикете?

ИОСАФАТ. Это не этикет, друг мой. Я действительно считаю тебя великим.

ЦАРЬ. Не смей меня, Иосафат. Посмотри трезвым взглядом, и ты увидишь, что твой «великий царь» владеет лишь крохотной полоской земли, зажатой между двумя могучими державами. Толпа задиристых кочевников, десятков деревень, пышно именуемых городами, могучий торговый флот из четырех суденышек, ни одного военного корабля – вот страна, которой повелевает твой «великий» царь.

ИОСАФАТ. Не слишком ли ты сгущаешь краски?

ЦАРЬ. Я просто знаю наше место. Мы не уничтожим царств, не истребим целые народы, не воздвигнем гигантских, но нелепых памятников. Что мы можем? Разве что изобрести первый в мире алфавит и написать книги, из которых потомки узнают, что полет духа и недовольство собой всегда были присущи человеку?

ИОСАФАТ. Разве этого мало?

ЦАРЬ. Нет, не мало. Но для этого надо перестать кочевать, надо осесть, закрепиться. У кочевника не может быть искусств и ремесел, школ и больниц, храмов и театров. У него только кнут, у него только скот, и скот гонит за собой человека в вечных поисках пропитания. Вот почему я, не верящий ни в какого бога, решил выстроить храм. Теперь он уже стоит, и рядом с ним город, и в городе каменщики, кузнецы, ткачи, и, самое главное, учителя, а вокруг сады и виноградники. Теперь у нас не только свои стада, у нас есть земля, которую надо защищать.

ИОСАФАТ. (*Убежденно*). Соломон, ты велик, и тебя будут помнить вечно.

ЦАРЬ. Кто и почему меня будет помнить? Ведь были в свое время государства и властители действительно великие. Где они? Забыты. Забывается все...

Восходит солнце. Звучит музыка. Это мелодия песни, в основу которой положены слова, написанные, по преданию, Соломоном.

ИОСАФАТ. Солнце восходит.

ЦАРЬ. Восходит солнце и заходит солнце,
И вот опять взойти спешит оно,

Все движется – но есть ли в этом всем цель?
Ведь нам одно мгновенье лишь дано.

Все повторяется и все проходит,
Все суета, на чем наш мир стоит.
Все кружит в бесконечном хороводе,
Все возвратится на круги свои.

Мир очень стар – уж было то, что будет.
Что делалось, то совершится вновь.
Все повторится: люди, царства, судьбы,
И будет хлеб расти и литься кровь.

Но все забудется – что будет и что было:
Страдания, подвиги, походы, города,
Поглотит все безмолвная могила,
И все пройдет, сотрется без следа.

Всему и всем – одно, всем равный жребий,
Умрет и раб, и царь, спасенья нет.
Никто не вспомнит, был я или не был.
Все прах и тлен, все суета сует.

ИОСАФАТ. *(Трогает Соломона за плечо)*. Пора возвращаться. Тебя ждут.

ЦАРЬ. *(Устало)*. Я знаю. Меня всегда ждут.

Где-то за кипарисами слышатся голос девушки, напевающей песню. Песня пока еще без слов, но звонкий голос полон радости и беспричинного счастья.

ИОСАФАТ. Какой-то ранней пташке тоже не спится. Идем.

ЦАРЬ. *(Делает несколько шагов, но останавливается)*. Подождем немного.

Царь и Иосафат отходят в сторону. Появляется Суламифь – совсем еще юная девушка. Она боса, на шее - ожерелье из ягод. В руках у нее полевые цветы.

СУЛАМИФЬ.

Снова утро мне дарит алмазные росы,
Солнце золотом льется, теплом янтаря,
Мягко светится рощ изумрудная россыпь,
И рубинами ярко пылает заря.

Пьяный воздух вином сладко голову кружит –
Трепет в жилах струится при каждом глотке.
Радость бродит в крови, песня рвется наружу,
Целый мир раскрывается в каждом цветке.

Снова утро томит ожиданием счастья,
Дразнит вечной загадкой встающего дня,
Ведь судьба каждый миг может в дверь постучаться,
Радость, горе ль она принесет для меня?

Снова утро...

Замечает пришедших и от неожиданности тихо вскрикивает. Песня обрывается, но музыка еще долго продолжает звучать.

ЦАРЬ. Не бойся, милая, пой.

СУЛАМИФЬ. Кто вы?

ЦАРЬ. Тебя и вправду так радует это утро?

СУЛАМИФЬ. Конечно! Ты только посмотри вокруг?

ЦАРЬ. *(Оглянувшись)*. На что я должен посмотреть?

СУЛАМИФЬ. Гляди - в тихой воде отражаются облака... Белка скачет по веткам... Деловито гудит оранжевый шмель... Неужели ты не видишь? Разве это не чудо? А мой муравейник?

ЦАРЬ. Он твой?

СУЛАМИФЬ. Конечно. Я за ним ухаживаю. Спасибо, что вы его не тронули.

ЦАРЬ. Но должна же быть у твоей радости какая-то причина?

СУЛАМИФЬ. Причина должна быть у печали. А если ничего не случилось, надо быть счастливым.

ЦАРЬ. Почему?

СУЛАМИФЬ. Я не знаю. Просто у всего на свете есть свое назначение. Ты еще спроси, почему солнце светит.

ЦАРЬ. А действительно, почему?

СУЛАМИФЬ. А потому, что если ему не светить, то это будет уже не солнце.

ИОСАФАТ. *(Улыбаясь)*. Учись мудрости, Соломон.

СУЛАМИФЬ. И так во всем: ручей журчит, миндаль цветет, человек радуется – и все это потому, что так должно быть. Ты все еще не понимаешь? *(Звонко смеется)*. Какой же ты глупый!

ИОСАФАТ и СОЛОМОН тоже смеются.

ИОСАФАТ. *(Царю)* Пташка преподала тебе хороший урок.

ЦАРЬ. Как зовут тебя, девушка?

СУЛАМИФЬ. Суламифь. Я сторожу здесь виноградник. А тебя?

ЦАРЬ. Соломон.

СУЛАМИФЬ. Неправда. Такого имени-то и нет.

ИОСАФАТ. Как «нет»? А царь?

СУЛАМИФЬ. Так оно у него не имя, а прозвище, вы что, не знаете? Ведь «Соломон» означает «мир». А по-настоящему его зовут... Забыла. Никто не помнит.

ЦАРЬ. Это виноградник твоего отца?

СУЛАМИФЬ. *(Смеется)*. Ну посмотри на меня – разве я похожа на владелицу виноградника? Какой ты смешной!

ЦАРЬ. *(Заражаясь ее смехом)*. Я и впрямь смешной и глупый. Кто же твой хозяин?

СУЛАМИФЬ. О, это важная птица. Он повар. Повар у самого Ахисара, Друга царя! А за виноградником следит его управляющий, злющий, как зверь. Если он вас тут увидит, вам здорово попадет.

ИОСАФАТ. *(Улыбаясь)*. Как ты думаешь, Соломон, не лучше ли нам убежать, пока не поздно?

ЦАРЬ. А может, он нас пожалеет?

СУЛАМИФЬ. *(Убежденно)*. Ну нет, вы его не знаете. Он терпеть не может чужаков, а я даже не спросила, кто вы такие.

ЦАРЬ. Мы бедные пастухи и никому не причиним вреда.

СУЛАМИФЬ. Вы – пастухи? (*Берет Царя за руку*). Нет, Соломон, ты не пастух. Плащ на тебе, правда, из простой ткани, но руки у тебя белые и мягкие, и лицо не опалено, как у меня, солнцем. Ты, наверное, писец.

Хочет отнять руки, но ЦАРЬ их не выпускает.

ЦАРЬ. Да, милая, ты угадала. Я не пастух. Но я – сын пастуха. И, клянусь, на этот раз говорю тебе правду.

СУЛАМИФЬ. (*Смутившись*.) Вы, наверное, хотите пить? Я принесу воды.

ЦАРЬ. (*Удерживая ее*). Не уходи, Суламифь.

СУЛАМИФЬ. Я быстро. (*Вырывается, хватая кувшин и убегает*).

ИОСАФАТ.

Мы так полны забот, что недосуг
Замедлить шаг и поглядеть вокруг.

ЦАРЬ.

Нам недосуг подметить наяву
Как белка прячет желуди в траву.

ИОСАФАТ.

И недосуг застыть у тихих вод,
Что днем горят, как звездный небосвод.

ЦАРЬ.

И недосуг на девушку взглянуть,
Что плавно нам навстречу держит путь.

И недосуг смотреть, как перейдет
Ее улыбка с глаз на алый рот.

ВМЕСТЕ.

Как жизнь убога, если недосуг
Замедлить шаг и посмотреть вокруг!¹

Из-за деревьев слышатся удары хлыста и стоны девушки. Появляется УПРАВЛЯЮЩИЙ. Он тащит за собой СУЛАМИФЬ.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Почему эти бродяги шатаются по чужому винограднику?

СУЛАМИФЬ. Они не сделали ничего дурного, господин. Виновата я одна.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я вижу. Вместо того, чтобы прогнать, ты поишь их хозяйской водой.

ИОСАФАТ. Послушай, господин...

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Не суйся не в свое дело! (*Бьет Суламифь. ЦАРЬ, побледнев от гнева, вырывает у него хлыст и наносит ему несколько ударов. Ошеломленный УПРАВЛЯЮЩИЙ даже не пытается сопротивляться.*)

ЦАРЬ. (*Швыряя хлыст в сторону*). Вон отсюда!

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Вы за это поплатитесь! (*Уходит*).

СУЛАМИФЬ. Что ты наделал? Сейчас он приведет сюда хозяина и слуг с оружием! Уходите, скорее уходите!

ЦАРЬ. Да, нам пора. (*Иосафату*). Иди, я сейчас.

ИОСАФАТ уходит.

Суламифь, я не знаю, увидимся ли мы еще когда-нибудь. Но прежде чем расстаться, я хочу поблагодарить тебя.

¹Стихотворение У.Г.Дэвиса, перевод С.Маршака

СУЛАМИФЬ. *(Удивленно)*. За что?

ЦАРЬ. Попроси у меня чего хочешь. Я могу сделать для тебя многое.

СУЛАМИФЬ. А если попрошу, исполнишь?

ЦАРЬ. Даю слово.

СУЛАМИФЬ. Приди сюда еще раз. Когда-нибудь. Когда тебе будет трудно. Быть может, я смогу помочь тебе.

ЦАРЬ. Ты – мне?

СУЛАМИФЬ. Мне так жаль тебя – ты добр и приветлив, а лицо твое печально, и в глазах спряталась усталость. Вот ты защитил меня сейчас от управляющего, и мне так же хочется защитить тебя от твоих бед.

ЦАРЬ. Суламифь, ты сама понимаешь, что ты говоришь?

СУЛАМИФЬ. Помни - я жду.

СУЛАМИФЬ уходит. Возвращается ИОСАФАТ.

ИОСАФАТ. Скорее, царь. Давно пора.

ЦАРЬ. Еще минуточку...

ИОСАФАТ. Надо ехать.

ЦАРЬ. *(Вздыхает)*. Да, надо. *(Делает шаг, но останавливается)*. Останься и позаботься, чтобы ей не сделали ничего дурного.

Врывается СУЛАМИФЬ и бросается к Соломону.

СУЛАМИФЬ. Бегите! Они идут! Береги себя! Они убьют вас!

УПРАВЛЯЮЩИЙ *(Входя)*. Хозяин, сюда! Эти прохвосты здесь!

Поляну со всех сторон окружают слуги с оружием. Входит ХОЗЯИН виноградника. СУЛАМИФЬ прижимается к Соломону, стараясь прикрыть его своим хрупким телом. Слуги поднимают дубинки. Соломон мягко отстраняет девушку и делает несколько шагов навстречу Хозяину. Тот в изумлении и страхе смотрит на него.

ХОЗЯИН. Великий царь!!

Падает на колени. Управляющий и слуги бросают оружие и следуют его примеру. Только пораженная Суламифь продолжает стоять.

СУЛАМИФЬ. Ты – царь?

ХОЗЯИН. На колени, дура! Великий царь, прости нас. И не обращай внимания на девчонку – она у нас ненормальная. Вместо того, чтобы отгонять птиц, она их кормит. Разве так охраняют виноградники?

СОЛОМОН. Да, Суламифь, я царь...

СУЛАМИФЬ. Как жаль... А я, глупая, хотела тебе помогать... Как жаль...

Суламифь убегает. Царь хочет последовать за ней, но Иосафат удерживает его, напоминая о готовой колеснице.

3. Мятеж

Зал во дворце. Иосафат и Ахисар ждут царя, чтобы начать заседание Государственного Совета. Нетерпеливый Ахисар шагает взад и вперед, бросая презрительные взгляды на Иосафата, скромно сидящего в углу. Входит Соломон. Иосафат встречает его глубоким поклоном, Ахисар – небрежным кивком.

ЦАРЬ. Почему нет Натана?

Молчание.

Чем занимается сейчас посол?

ИОСАФАТ. С утра он совещается с царицей.

ЦАРЬ. Нельзя было этого допускать. Нуриг не следует вмешиваться в государственные дела...

(Потеплевшим тоном). Все ли готово к приему нашей хозяйки муравейника?

ИОСАФАТ. Ты спрашиваешь об этом в третий раз. Девушка еще не знает даже, что ты хочешь взять ее во дворец.

Неторопливо входит Натан, как всегда, величавый и непроницаемый.

ЦАРЬ. Что я вижу? Великий пророк нисходит до бывшего царя.

НАТАН. Неудачная шутка, Соломон. Ты еще царствуешь.

ЦАРЬ. По недоразумению. Два дня назад ты предсказывал, что это будет продолжаться недолго.

НАТАН. Не спеши. Мои пророчества всегда сбываются. *(Усаживается и снисходительно дает команду).* Можешь начинать, Соломон.

Пауза.

ЦАРЬ. Иосафат, Государственный Совет слушает тебя.

АХИСАР. Почему его, а не меня?

ЦАРЬ. У тебя важные новости?

АХИСАР. Важные или неважные, но право первого голоса принадлежит мне.

ЦАРЬ. Почему?

АХИСАР. Потому что я – это я. Так было заведено еще при Давиде.

ЦАРЬ. Хорошо, Ахисар. Раз еще при Давиде было заведено, что ты – это ты, мы слушаем тебя.

АХИСАР. *(Замявшись).* Собственно, первого слова я требовал лишь из принципа...

ЦАРЬ. Я понимаю. Теперь, когда ты уже выступил, пусть о делах в стране нам расскажет Иосафат.

ИОСАФАТ. Новости не слишком веселые. В столице начинается мятеж.

Пауза.

ЦАРЬ. Продолжай, друг мой.

ИОСАФАТ. Вооруженная толпа поджигает житницы и грабит дома. К месту беспорядков выслана стража.

ЦАРЬ. Все это очень странно... Что думают по этому поводу члены Совета?

Пауза.

Почему ты молчишь, Иосафат?

ИОСАФАТ. Первым у нас предпочитает высказываться высокочтимый Ахисар, Друг Царя.

АХИСАР. На этот раз я охотно уступлю свое право тебе, ученый Иосафат.

ЦАРЬ. Твое мнение, Натан?

НАТАН. О мирских делах у меня нет мнения. Я могу лишь молиться богу, чтобы он отвел от государства эту страшную опасность.

ЦАРЬ. Мне кажется, что опасность не столь уж велика. Я не сомневаюсь, что наш славный полководец Ахисар без труда сокрушит мятежников.

АХИСАР. Я бы без труда остудил самые горячие головы, будь у меня хотя бы несколько тысяч солдат.

ЦАРЬ. *(Помолчав).* В таком случае, в столицу надо вызвать войска.

ИОСАФАТ. Оголять границу перед самой войной?

АХИСАР. С каких это пор писари стали разбираться в стратегии? Несколько отозванных полков не ослабят нашу мощь.

ИОСАФАТ. Чтобы разогнать горстку подстрекателей, хватит и стражи.

НАТАН. *(Как бы про себя)*. Боюсь, как бы волнения не разрослись.

ЦАРЬ. Столицу нельзя оставлять беззащитной. Вызовем войска.

ИОСАФАТ. Великий царь!

ЦАРЬ. *(Не обращая внимания на Иосафата)*. Поэтому я поручаю тебе, Ахисар, немедленно составить список полков, которые нужно вызвать, и представить мне на утверждение. Я заранее одобряю твой выбор.

АХИСАР. *(Бросая украдкой торжествующий взгляд на Натана)*. За списком дело не станет. *(Берет кусок папируса, быстро набрасывает несколько строк и вручает его царю. Соломон, даже не взглянув на список, передает его Иосафату.)*

ЦАРЬ. Иосафат, заготовь по этому списку приказ от моего имени.

Почтительно согнувшись, входит Писец, вручает Иосафату свиток и исчезает. Иосафат разворачивает свиток и в волнении встает.

Что случилось, Иосафат?

ИОСАФАТ. Египетский посол отказывается от продолжения тридцатидневного пира и требует немедленного согласия на его требования. Если через час на них не будет ответа, он покинет столицу, объявив нам войну.

Молчание.

АХИСАР. Ну вот, Соломон. Хочешь или не хочешь, теперь тебе придется воевать. Твой отец вел десятки войн, а ты до сих пор не решился начать одну-единственную. Теперь попробуешь и увидишь, что это не так уж и страшно.

ЦАРЬ. Всеу свое время, Ахисар. Время насаждать и время вырывать насаженное; время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить; время любить и время ненавидеть; время войне и время миру.

АХИСАР. А сейчас какое время?

ЦАРЬ. *(Не отвечая военачальнику, обращается к Иосафату)*. Пойди к послу и попытайся умиротворить его.

Иосафат выходит. Царь смотрит в упор на Натана.

Хотел бы я знать, кто устроил послу встречу с Нурит.

НАТАН. Ты хочешь взять во дворец девушку. Царице это не нравится. Скажи ей, что это был ложный слух.

ЦАРЬ. Но это правда, Натан. И это мое личное дело. Его неуместно обсуждать на Государственном Совете.

НАТАН. *(Непреклонно)*. У царя не может быть личных дел. Помиришь с Нурит.

ЦАРЬ. Это ничему не поможет. Фараон все равно начнет войну, как только вернется посол. Нурит, как и всякая женщина, склонна преувеличивать свое влияние на мужские дела.

ИОСАФАТ. *(Входя)*. Посол отказался меня принять.

Пауза.

ЦАРЬ. Прикажи найти Гевера и жди меня здесь.

Иосафат выходит.

Заседание Совета окончено. Я вас более не задерживаю. *(Уходит)*.

АХИСАР. Ты слышал? Нас «не задерживают». Ему нужен только Иосафат да этот еще его любимчик – Гевер. Ничего, через три дня придут мои полки.

НАТАН. *(Задумчиво)*. Я не узнаю сегодня Соломона. Он снова быстр, решителен, почти весел, хотя не может не понимать, что стоит на краю гибели. Что произошло?

АХИСАР. Какая нам разница, Натан? Важно, что мы пробили брешь в его хваленой мудрости.

НАТАН. Я в этом не уверен.

АХИСАР. Даже если он и передумает, я тайно пошлю к войску собственных гонцов, и полки двинутся сюда против его воли. А тогда посмотрим, кто кого.

Входит Иосафат. Натан и Ахисар умолкают и покидают зал. Возвращается Соломон.

ИОСАФАТ. Может, тебе все-таки не стоит брать сюда Суламифь?

ЦАРЬ. Отказаться от счастья из-за угроз ревнивой женщины?..

ИОСАФАТ. Есть и другие причины, Соломон. Будет ли твоё счастье счастьем и для нее?

Спроси себя: хорошо ли будет этой девочке во дворце, не затоскует ли она по своему муравейнику и по своим белкам? И самое главное – будет ли она здесь в безопасности?

ЦАРЬ. *(Помолчав)*. Нам некогда сейчас разговаривать, друг мой. Где Гевер?

ИОСАФАТ. Сейчас придет.

ЦАРЬ. Дай пока список Ахисара.

ИОСАФАТ. Вот он. Но я должен предупредить...

ЦАРЬ. *(Останавливая жестом Иосафата и пробегая список глазами)*. Прекрасно. Ахисар собственной рукой начертал имена мятежных военачальников. Не много же у него сторонников! *(Возвращая список Иосафату)*. Этими молодцами надо заняться немедленно. Одним пообещать чины и награды, других припугнуть, третьих, если нужно, арестовать. Но я думаю, такой надобности не возникнет.

ИОСАФАТ. *(Одобрительно)*. Будет сделано.

Входит Гевер.

ЦАРЬ. *(Обнимая юношу)*. Гевер, ты мне нужен. Возможно, я привезу во дворец девушку. У нее будут враги. Могу ли я быть уверенным, что ни один волос не упадет с ее головы?

ГЕВЕР. Можешь не беспокоиться, великий царь.

ЦАРЬ. Спасибо, мой мальчик. А теперь пойд и арестуй посла.

ГЕВЕР. *(Изумленно)*. Посла? Посла самого фараона?!

ИОСАФАТ. *(В ужасе)*. Опомнись, Соломон! Ты понимаешь, на что идешь?

ЦАРЬ. Гевер, ты должен немедленно взять под стражу посла и всю его свиту. Я обещал ему тридцатидневный пир, и он получит его.

ГЕВЕР. Обращаться с ним почтительно?

ЦАРЬ. Напротив, как можно заносчивее и высокомерно. Напугай его, скажи ему, что он – ничтожный червь, которого сгноят в тюрьме за то, что он осмелился угрожать мне, великому царю. Скажи, что мы ждем посольства из дружественной Ассирии и заключим с ней военный союз. Перекрой все дороги в Египет, чтобы туда не дошла ни одна весть от нас. Окружи арест глубокой тайной. Объяви повсеместно, что посол продолжает пир.

ГЕВЕР. Будет исполнено. *(Уходит)*.

ИОСАФАТ. Соломон, это страшный риск.

ЦАРЬ. Нам нечего терять, ведь отъезд посла означает войну. А теперь, увидев столь крутой поворот, он поймет, что мы его не боимся. А раз не боимся, значит, что-то произошло. Намекни ему о скором прибытии ассирийского посольства. Посол задумается. Но прежде всего займись списком Ахисара.

ИОСАФАТ. Все будет сделано. *(Хочет уйти)*.

ЦАРЬ. Подожди. *(Иосафат останавливается)*. Может, действительно, мне лучше забыть о Суламифи?

Иосафат молча опускает голову.

Действие второе

4. Любовь

Знакомая лужайка, окруженная кипарисами. Вечер. Суламифь одна.

СУЛАМИФЬ.

В сердце раненом днем и ночью стон,
Все не ладится, все не так,
Взяло в плен меня одиночество,
Мука горькая, пустота.

День все тянется, все не кончится,
И одной тоска, и с людьми,
Ведь порой в толпе одиночество
Вдвое мучает и томит.

Ах, как выплакать горе хочется,
Мысли грустные жгут огнем,
Тот поймет тебя, одиночество,
Кто хоть краткий миг был вдвоем.

Входят Управляющий и Иосафат. Суламифь испуганно кланяется Управляющему.

СУЛАМИФЬ. Прости, господин. Я задумалась и не заметила тебя.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. *(Раболепно склоняясь перед девушкой).* Это я виноват, госпожа, что посмел отвлечь тебя от твоих мыслей.

СУЛАМИФЬ. *(Удивленно).* Какой госпоже ты кланяешься, господин?

УПРАВЛЯЮЩИЙ. *(Не разгибаясь).* Тебе, госпожа.

ИОСАФАТ. *(Улыбаясь).* Суламифь, великий царь дарит тебе этот виноградник со всеми прилегающими землями и с управляющим в придачу.

СУЛАМИФЬ. Мне?!

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Да, госпожа. Я жду твоих приказаний.

СУЛАМИФЬ. *(Растерянно).* Господин...

ИОСАФАТ. Ты не должна больше называть его господином.

СУЛАМИФЬ. А как?

ИОСАФАТ. Как он обращался к тебе прежде?

СУЛАМИФЬ. Обычно он называл меня... *(запнувшись)* «дура».

ИОСАФАТ. В таком случае, зови его болваном. *(Управляющему).* Пошел прочь.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Слушаюсь, господин. *(Пятясь и кланяясь, уходит).*

СУЛАМИФЬ. А где Соломон? То есть... великий царь. Он придет?

ИОСАФАТ. *(Помолчав).* Царь шлет тебе привет и просит принять эту серебряную цепочку и золотую повязку.

СУЛАМИФЬ. *(Счастливая).* Значит, он меня не забыл! Но лучше бы пришел сам. И зачем мне виноградник?

ИОСАФАТ. Теперь тебя никто не посмеет обидеть.

СУЛАМИФЬ. А когда придет Соломон?

Иосафат не отвечает.

Я почему-то все время его жду, хотя и знаю, что раз он царь, то... *(С надеждой)*. А может, он все-таки не царь?

ИОСАФАТ. Он царь... И потому он не придет к тебе.

СУЛАМИФЬ. *(Грустным эхом)*. Не придет...

ИОСАФАТ. Ты должна понять – у него важные государственные дела. Надвигается война...

СУЛАМИФЬ. Война...

ИОСАФАТ. У него влиятельные враги...

СУЛАМИФЬ. Неужели у Соломона могут быть враги?

ИОСАФАТ. И если Соломон возьмет тебя во дворец, они могут погубить тебя.

СУЛАМИФЬ. Меня? За что?

ИОСАФАТ. За то, что ты добра и хороша собой. За то, что ты понравилась царю.

СУЛАМИФЬ. *(С надеждой)*. А может, он еще придет? Ведь он обещал.

ИОСАФАТ. Не жди его, Суламифь. Так будет лучше для тебя. Прощай.

Иосафат и Суламифь уходят. Входит Соломон.

ЦАРЬ. *(Один)*.

Опять черемуха пьянит,
И соловьями ночь звенит.
Опять весна сердца тревожит,
Опять надеждами манит.

Опять прозрачная листва
Сплела неслышно кружева.
И шепчут губы всех влюбленных
Простые, вечные слова.

Пчела садится на цветок,
И в каждой ветке бродит сок.
Лишь сад засохший за оградой
Грустит, забыт и одинок.

Мелькают дни, бегут года,
Не оставляя нам следа.
Всегда меня обходит мимо
Цветущих весен череда.

СУЛАМИФЬ. *(Входя)*. Ты здесь! *(Бросается к Соломону)*.

ЦАРЬ. Я обещал прийти, и я пришел.

СУЛАМИФЬ. А я обещала ждать - и жду. Уже целых три дня. Думаешь, это было легко?

ЦАРЬ. Мне это было трудно. Я, как пьяный, бродил эти дни по дворцу и все время слышал твой смех и твое пение.

СУЛАМИФЬ. Ах, Соломон, почему ты царь? Я все время думаю - как я смогу быть нужной царю? Как мне тебя утешить? Чем помочь?

ЦАРЬ. Тебе не надо ни о чем думать, нужно быть только рядом, все время рядом. Скажи, ты поедешь ко мне?

СУЛАМИФЬ. *(Испуганно)*. Во дворец? Нет! Я боюсь....

ЦАРЬ. Чего?

СУЛАМИФЬ. Я... Иосафат сказал... Не знаю. Разве нам плохо здесь, в нашем винограднике?

ЦАРЬ. Виноградник далеко, а мне не хочется расставаться с тобой ни на минуту. Вокруг меня только вельможи и рабы, а ты такая настоящая, такая живая... С тобой солнце, весна, песня, а я могу предложить тебе только дворец.

СУЛАМИФЬ. Ты теперь мое солнце, моя весна и моя песня.

ЦАРЬ. Значит, ты согласна?

СУЛАМИФЬ. Ты еще спрашиваешь? Бери меня и вези, куда хочешь! Чего мы ждем, милый? Почему я еще не твоя?

ЦАРЬ. И почему я еще не твой?

Звучит музыка – яркая, праздничная, упругая, жаркая, прихотливая. Это и есть Песнь Песней. В основу ее положены слова, написанные, по преданию, царем Соломоном. Каждую строфу и каждую строчку этой песни-танца можно петь им обоим и вместе, и отдельно и поочередно.

Положи меня, как печать,
Как печать, на сердце твое,
Как печать, на сердце твое,
Как кольцо, на руку твою.

Расцветают ярко цветы,
Ты в дом пира вводишь меня,
Знамя пира реет над ним,
Это знамя – наша любовь.

Нам не нужно пышных дворцов,
Ветви кедров – крыша для нас,
Кипарисы – стены для нас,
Зелень луга – ложе для нас.

И царит над миром любовь,
И светла, как солнце, любовь,
И дает нам счастье любовь,
И сильнее смерти любовь!

5. Ревность

Покои Нурит во дворце. Поздний вечер. Натан сидит в кресле, глядя на мерцание одинокой свечи в семисвечнике. Входит Ахисар.

НАТАН. Гонец от войска еще не прискакал?

АХИСАР. Жду с минуту на минуту. Думаю, что полки уже на пути в столицу.

НАТАН. Где царь?

АХИСАР. Должно быть, со своей новой наложницей.

НАТАН. Посол по-прежнему пирует за закрытыми дверями?

АХИСАР. По официальной версии, да. Что делается на самом деле, никто не знает.

НАТАН. А Гевер?

АХИСАР. Как всегда, молчалив и неподкупен.

Пауза.

Почему ты опять занял пост в покоях царицы? Будь ты помоложе хотя бы лет на двадцать, я бы не удивлялся, но теперь...

НАТАН. Будь ты посообразительнее, то понял бы, что покои Нурит – единственное место, где мы не рискуем встретить Соломона.

АХИСАР. Ах, вот оно что.

НАТАН. Но есть и другие причины.

Входит Слуга, протягивает Ахисару донесение и удаляется.

АХИСАР. *(Обрадованно)*. Весть из войска! *(Нетерпеливо срывает печать, разворачивает свиток и пробегает его глазами)*. Проклятье!

НАТАН. Что случилось?

АХИСАР. Военачальники отказываются выступить против Соломона.

НАТАН. Почему?

АХИСАР. *(Читая)*. «Осыпанные милостями великого властителя, мы лишь с его повеления...»

И так далее. Мерзавцы! Кто бы мог подумать?

НАТАН. *(Усмехаясь)*. Соломон опять обвел нас вокруг пальца. Он даже не дал себе труда их казнить, а поступил гораздо изящнее – сделал своими сторонниками. Как это на него похоже! Клянусь, ученик превзошел учителя.

АХИСАР. Можно подумать, тебя это радует.

НАТАН. Разумеется. Надо уметь ценить по достоинству блестящий ход, даже если он сделан противником. Как жаль, что мы в разных лагерях...

АХИСАР. Не лей крокодиловы слезы. Раз уж ты решил проглотить Соломона, надо сделать это побыстрее. Иначе он проглотит нас.

НАТАН. В таких делах не следует торопиться.

АХИСАР. Но нельзя и бесконечно медлить.

НАТАН. Ты можешь что-нибудь предложить?

АХИСАР. *(Вынимая кинжал)*. Вот. Простое и испытанное средство.

НАТАН. А стража?

АХИСАР. Перебьем.

НАТАН. И через полчаса народ нас растерзает.

АХИСАР. *(Угрюмо)*. Плевать на народ. Скажи прямо – тебе жаль царя.

НАТАН. Да, я люблю Соломона. Я хочу его победить, но не уничтожить. И только если все средства будут исчерпаны... *(Помолчав)*. А теперь оставь меня – мне нужно поговорить с Нурит.

АХИСАР. Что тебе нужно от этой египтянки? Ты ведь раньше не любил ее.

НАТАН. Я выше любви и ненависти. Для меня существуют только вред или польза.

АХИСАР. Я умирал со смеху, когда ты вчера снова расхваливал Нурит царю.

НАТАН. Ты это слышал собственными ушами?

АХИСАР. *(Несколько растерянно)*. Собственными.

НАТАН. И ты рассказал об этом другим?

АХИСАР. Разумеется.

НАТАН. На это я и рассчитывал.

АХИСАР. Зачем тебе быть другом Нурит? Царь теперь никого и ничего не видит, кроме своей Суламифи. Кстати, она действительно очень мила. И – что самое удивительное – ничего не клянчит. Ты заметил? Соломон готов отдать ей полцарства, а она только улыбается.

НАТАН. Самое удивительное не это. Самое удивительное, что у нее нет врагов. Ее все любят. Даже ты.

АХИСАР. Признаться, я сначала опасался ее. Но Суламифь ничего на замышляет, не планирует и не добивается. Она его просто любит. Странно, правда?

НАТАН. И все-таки, согласишься – если она захочет, то сможет добиться огромного влияния.

АХИСАР. Да, конечно.

НАТАН. Так может, лучше от нее избавиться? (*Дунув на пламя, гасит свечу*).

АХИСАР. (*Ошеломленно*). Зачем? К тому же, царь сотрет в порошок любого, кто осмелится отнять у него девушку.

НАТАН. (*Загадочно*). На это я и рассчитываю.

АХИСАР. Я не понимаю твоих замыслов, но прошу одного: не впутывай пташку в нашу игру.

НАТАН. Суламифь нравится и мне. Но есть интересы более важные, чем судьба одной девушки.

АХИСАР. Чего ты хочешь?

НАТАН. Я хочу уничтожить Нурит и навсегда покончить с чужеродным влиянием. Я хочу, чтобы Соломон поссорился с Египтом. Я хочу устранить Суламифь. Я хочу убрать с дороги упрямого Гевера. Я хочу, чтобы царь, сломленный и одинокий, подчинился нашей воле.

АХИСАР. «Я хочу, я хочу...» Если бы можно было добиться хотя бы одного из этих «хочу»...

НАТАН. Я добьюсь. И всего сразу.

АХИСАР. (*Недоверчиво улыбаясь*). Ты спрятал в подвале десятитысячное войско?

НАТАН. Мне достаточно произнести несколько слов, чтобы опрокинуть устои царства.

АХИСАР. Натан, ты не спятил от старости?

Входит Нурит. Вельможи склоняются в глубоком поклоне.

НАТАН. Мир великой царице! (*Ахисару*). Прощай, Ахисар. Тебя ждут дела.

АХИСАР. Меня? Какие дела?

НАТАН. Друг царя всегда обременен делами. (*С нажимом*). Прощай, Ахисар.

Ахисар в недоумении кланяется и уходит.

НУРИТ. Мне передали, что ты честно выполняешь свое обещание. Признаться, я не ожидала этого.

НАТАН. Почему? Ты красивая и умная женщина, и я убеждал в этом Соломона совершенно искренне.

НУРИТ. И что он? (*Натан молчит*). Можешь не рассказывать.

НАТАН. Я оказался недостойным твоего доверия. (*Подходит к ней ближе*). Он не любит тебя. (*Нурит закрывает уши руками*). Могут ли доводы рассудка заставить полюбить? Если Соломон оказался холоден к твоей красоте и к твоему чувству, то разве зажгут его скрипучие речи какого-то старика? К тому же, он увлечен сейчас одной девушкой...

НУРИТ. Я не настолько ревнива, чтобы беспокоиться из-за каждого пустяка. Если ему взбрело в голову позабавиться с этой пастушкой...

НАТАН. Не говори так, Нурит. Суламифь юна и прекрасна. Самое же главное, она добра, а чего еще так не хватает в нашем жестоком мире, как доброты? Эта девушка не обидит и мухи, но именно потому у тебя нет соперницы страшнее, чем она.

НУРИТ. (*Возбужденно*). А Соломон? Что он? Только правду!

НАТАН. Он похож на проснувшегося льва. (*Безжалостно*). Он любит ее, царица. Он любит ее великой любовью, которая дается судьбой только раз в жизни.

НУРИТ. Нет! Он поиграет с этой куколкой день-другой, а потом она ему надоест, как надоедали все другие.

НАТАН. Ты ее видела?

Нурит отрицательно качает головой.

Посмотри на нее, посмотри, как они улыбаются друг другу, и ты поймешь, что день твой кончился.

НУРИТ. Нет!

НАТАН. Царь, наверное, уже пришел к своей возлюбленной. Он целует ее ароматные волосы, и она раскрывает ему свои горячие объятия...

НУРИТ. Перестань! *(Помолчав, зловеще)*. Стоит мне лишь подумать, как они насмеются надо мной...

НАТАН. Ты ошибаешься, Нурит. Они не смеются над тобой.

НУРИТ. *(С надеждой)*. Ты думаешь?

НАТАН. Я уверен, что они ни разу не вспомнили о тебе.

НУРИТ. *(В отчаянии)*. Что же делать?

НАТАН. Мне нечего тебе посоветовать. Пока Суламифь жива, тебе не на что надеяться.

НУРИТ. Пока она жива... Но если...

НАТАН. Никаких «если». Девушку охраняет лучшая в мире стража. Во главе ее стоит Гевер, которого Соломон воспитал как сына и которого невозможно ни подкупить, ни запугать. Несмотря на десятки заговоров, еще ни один волос не упал с головы царя, и это только благодаря Геверу.

НУРИТ. Он же еще мальчишка.

НАТАН. Ошибаешься, Нурит. Гевер смелый воин и внимательный страж. Безопасность каждого из нас в его руках. Соломон недаром поставил его на четвертый по значению пост в государстве. *(Помедлив)*. Если он и робок, то только с тобой. *(Кланяясь)*. До свидания, царица..

НУРИТ. *(Рассеянно)*. До свидания.

НАТАН. *(Остановившись)*. Может, позвать сюда Гевера?

НУРИТ. Не надо. Он и так заходит сюда каждый вечер.

Натан уходит. Нурит погружается в глубокое раздумье. Затем она выходит, приносит сосуд и наливает его содержимое в чашу. Входит Гевер.

ГЕВЕР. Мир великой царице! Все ли здесь спокойно?

НУРИТ. Спасибо, Гевер. Во дворце все спокойно.

ГЕВЕР. *(Помедлив)*. Тогда позволь мне продолжать свой обход. *(Собирается уйти)*.

НУРИТ. *(Ласково)*. Куда ты торопишься, Гевер?

ГЕВЕР. *(Останавливаясь)*. В последние дни ты так сурова со мной...

НУРИТ. Напротив, это ты избегаешь меня. Чем я перед тобой провинилась?

ГЕВЕР. *(Растерянно)*. Но ведь ты же сама недавно сказала мне...

НУРИТ. Разве нужно слушать, что говорят женщины? Гораздо важнее, что они думают.

ГЕВЕР. *(Боясь поверить)*. И что же они думают?

НУРИТ. Что ты очень робок.

ГЕВЕР. Нурит!

НУРИТ. *(Подходит к нему совсем близко, почти касаясь его губами)*. Ну, будь же смелее!

ГЕВЕР. *(Пылко обнимая Нурит)*. Царица!.. Мне уже столько раз снились твои объятия, что я боюсь снова проснуться.

НУРИТ. *(Отвечая на объятия)*. Да, это сон. Но он снится нам обоим...

ГЕВЕР. Откуда в тебе такая перемена?

НУРИТ. Разве ты не молод? Не красив? Так почему я должна отказываться от своей любви?

ГЕВЕР. Нурит!!

НУРИТ. Вот только...

ГЕВЕР. Что?

НУРИТ. Вдруг сейчас сюда войдет царь?

ГЕВЕР. *(Уверенно)*. Он не придет!

НУРИТ. *(Быстро)*. Почему?

ГЕВЕР. Потому что... Потому что...

НУРИТ. *(Непринужденно)*. Ах да, он ведь с этой девушкой...

ГЕВЕР. *(Смущенно)*. Не понимаю, о чем ты говоришь.

НУРИТ. Не бойся, интрижки царя меня нисколько не заботят. Особенно теперь, когда у меня есть ты. *(Берет чашу с напитком и подает Геверу)*. Выпей.

ГЕВЕР. Что это?

НУРИТ. Напиток любви. Выпьем и все забудем.

Гевер осушает чашу. Нурит привлекает его к себе.

Скажи, она красива?

ГЕВЕР. Да. Но по сравнению с тобой...

НУРИТ. *(Прерывая)*. Я знаю. *(Помолчав)*. Ты видел их вместе?

ГЕВЕР. Когда я уходил сейчас от них, она держала царя за руку и что-то рассказывала, а он громко смеялся.

НУРИТ. *(Изменившимся голосом)*. Он смеялся...

ГЕВЕР. *(Тревожно)*. Что с тобой?

НУРИТ. Ничего. Не будем больше говорить о них.

ГЕВЕР. *(Пошатнувшись)*. Я как в тумане... У меня кружится голова....

НУРИТ. Это хорошо. Любовный напиток струится в твоих жилах. Я хочу принадлежать только тебе... *(Горячо обнимает его)*. Но сначала выполни одну мою просьбу.

ГЕВЕР. Ты только прикажи!

НУРИТ. Сначала поклянись, что исполнишь.

ГЕВЕР. Клянусь!

НУРИТ. Пойди и убей ее.

ГЕВЕР. *(В страхе отступая)*. Нет!

НУРИТ. Ты поклялся, Гевер.

ГЕВЕР. Нурит, в чем она виновата?

НУРИТ. Убей ее.

ГЕВЕР. Я не могу. Она так беззащитна. И так молода.

НУРИТ. Убей ее! Сейчас!

ГЕВЕР. Нет.

НУРИТ. Вот истинная цена твоей великой любви, твоих вздохов и клятв. Я ею унижена, втоптана в грязь, а ты не можешь ради меня убить какую-то рабыню!

ГЕВЕР. Царица, не проси меня об этом, ты же знаешь, что я не смогу тебе противиться. Забудь о своей ненависти, не опускайся до преступления! Оно не принесет счастья ни тебе, ни мне.

И я не могу предать царя.

НУРИТ. А меня можешь?

ГЕВЕР. Лучше я убью себя.

НУРИТ. Зачем мне твоя смерть? *(Подходит к нему)*. Послушай, Гевер, стань, наконец, мужчиной, сделай что-нибудь для самого себя, не упускай неслыханно счастливого случая. Я могу высоко поднять тебя.

ГЕВЕР. Мне ничего не нужно. Только твоя любовь.

НУРИТ. А почему бы тебе самому не стать царем? Мы уедем с тобой в Египет, ты женишься на мне и станешь фараоном. Каждую ночь я буду тебе дарить наслаждения, которые ты не в силах себе и представить...

ГЕВЕР. Царица!

НУРИТ. Обними меня крепче, Гевер. Крепче... Еще крепче... Разве так обнимают любимую женщину?.. Вот так... Так... *(Отпрынув в сторону, вкладывает в его руки кинжал)*. А теперь иди.

Гевер, почти не помня себя, уходит. Нурит остается одна. На ее губах играет торжествующая улыбка. Гевер возвращается. Глаза его блуждают, руки дрожат. Нурит встречает его пристальным взглядом.

Ну? Готово?

ГЕВЕР. *(Закрыв лицо руками)*. За что?.. За что?.. За что?..

НУРИТ. *(Трясет его за плечи)*. Да возьми же себя в руки! Я спрашиваю – дело сделано?

ГЕВЕР. Нет.

НУРИТ. Почему?

ГЕВЕР. Она не одна. С ней царь.

НУРИТ. Ну и что?

ГЕВЕР. Не мог же я...

НУРИТ. Почему не мог? Трус! Надо было убить обоих! Я бы не колебалась ни минуты!

Гевер поворачивается, чтобы снова уйти.

Постой! Не надо обоих. Только ее. Ты слышишь? Только ее! Но сейчас, немедленно!

Нурит уходит. Гевер, опустив плечи, с кинжалом в руках безвольно бредет к выходу, но его останавливает внезапно появившийся Ахисар.

АХИСАР. Стой.

ГЕВЕР. Что тебе?

АХИСАР. Торопиться не следует никогда, и особенно, если собираешься сделать глупость. *(Напористо)*. Зачем у тебя в руках кинжал?

Гевер молчит.

Я слышал твой разговор с царицей, и потому сразу давай играть в открытую. Итак, ты убиваешь девушку и оставляешь в живых царя. Что потом?

ГЕВЕР. Я не думал об этом. Мне сказали, и я иду.

АХИСАР. Тогда давай подумаем вместе. Тебе, вероятно, грезится Нурит, объятья, поцелуи и все такое. Я допускаю, что можно пойти на убийство за одну ночь блаженства. Но ее не будет. Не будет ничего. Даже одной ночи. Царь немедленно казнит тебя.

ГЕВЕР. Соломон никого никогда не убивал.

АХИСАР. Да? А ты забыл, как он казнил Иоава, хотя тот держался за рога жертвенника? И это могучего полководца Иоава, хозяина страны, перед которым трепетал сам великий Давид! А кто ты?

ГЕВЕР. Царица защитит меня.

АХИСАР. Царица? Царь послушает ее? И почему она велела пощадить Соломона? Если она любит тебя, то зачем ей царь? Вспомнит ли она о тебе, когда дело будет сделано? И разве девчонка в чем-нибудь виновата?

ГЕВЕР. *(Роняет кинжал)*. Ты прав. Я не пойду.

АХИСАР. Но тогда тебе не видать Нурит. Как знать, может, она сама завтра же выдаст тебя царю. А я буду вынужден подтвердить твою измену. *(Вкрадливо)*. Представь, как ты долгие годы гниешь в темнице, а твою Нурит в это время жадно обнимают другие.

ГЕВЕР. *(Вскакивая и хватая кинжал)*. Лучше смерть!

АХИСАР. *(Останавливает его)*. Смерть – это всегда хуже.

ГЕВЕР. Я не знаю, что делать... Как кружится голова...

АХИСАР. Выход есть. Слушай. (*Понизив голос*). Не трогай Суламифь. Она тебе не мешает. Убей царя.

ГЕВЕР. Никогда!

АХИСАР. В этом мире очень мало счастья, и его не хватает на всех. Поэтому свою долю всегда приходится отнимать у других. При живом царе тебе не видать царицы. И ты дал ей клятву. Иди без колебаний. Я бы сделал это сам, но стража пропустит к нему только тебя. Иди же. (*Вручает Гевеу кинжал и подталкивает его к выходу*). Иди и, главное, ни о чем не думай. Иди. Зажмурься и ударь. А когда откроешь глаза, увидишь Нурит, Нурит на всю жизнь, а с нею трон и власть. Иди.

Ахисар почти силой уводит сломленного Гевера.

6. Смерть

Ночь. Дворец. Суламифь и Царь одни.

СУЛАМИФЬ. Я все не могу на тебя насмотреться. Разве можно любить кого-нибудь, кроме тебя? Ты ведь единственный.

ЦАРЬ. Какая это великая тайна – влечение друг к другу мужчины и женщины. Между ними вечное противоречие и вечное стремление к единению. Мы с тобой – это одно целое. Разве это не чудо?

СУЛАМИФЬ. Что я по сравнению с тобой, милый?

ЦАРЬ. Тысячи смотрели на меня в упор – и не видели, тысячи слушали – и не слышали. Только ты увидела во мне человека. Только ты и отец. Больше никто.

СУЛАМИФЬ. Как странно, что великого Давида ты назвал просто «отец». Для меня могучий Давид – это легенда, почти бог.

ЦАРЬ. И тем не менее, он был просто человеком.

СУЛАМИФЬ. Ты любил его?

ЦАРЬ. Бесконечно. Он был трогательно слаб и удивительно добр. Он ненавидел только одного человека – все сильного полководца Иоава, который не давал стране отдохнуть от войн и наносил ей огромный вред. Вот почему я казнил Иоава, когда пришел к власти. Это была единственная казнь за мое царствование.

СУЛАМИФЬ. И ты не побоялся поднять на него руку? Как мало я о тебе знаю... Ты счастлив?

ЦАРЬ. Как и все люди, я стремился к счастью, но избирал к нему ложные пути. И потому чем больше торопился, тем дальше уходил от него.

СУЛАМИФЬ. Счастье – это ведь так просто. Неужели к нему надо искать пути?

ЦАРЬ. Вначале мне тоже все казалось простым. Я собрал много золота и серебра и не запрещал себе никакого веселья. Но я не был счастлив. Почему, Суламифь?

СУЛАМИФЬ. Должно быть, потому, что счастье не в наслаждении, мой царь.

ЦАРЬ. Затем я предпринял большие дела – построил города, посадил виноградники, провел дороги и вырыл водоемы. Я подчинил себе окрестные народы и возвысился над всеми. Но я не стал счастлив. Ты можешь сказать, почему?

СУЛАМИФЬ. Должно быть, потому, что не власть приносит счастье, любимый.

ЦАРЬ. Молва считает меня мудрее всех на свете. Действительно, я потратил годы, чтобы познать устройство мира и действие стихий, начало, конец и середину времен, природу животных и положение звезд, стремление ветров и мысли людей, различия растений и силы корней. Но оказалось, что и знание не освобождает от тоски и разочарования. И я все чаще спрашиваю себя – зачем эта суета? В чем смысл жизни?

СУЛАМИФЬ. Ты мудр, Соломон, но нельзя жить одной лишь мудростью.

ЦАРЬ. Разве можно уйти от этих вечных вопросов?

СУЛАМИФЬ. Вот серебряная цепочка – смотри, как она тебя украшает. Или эта повязка – подарив ее, ты доставил мне такую радость! А вот кувшин – он поит нас водой. Если есть смысл в существовании цепочки, повязки и кувшина, то неужели нет смысла в нашей жизни?

ЦАРЬ. В чем же он, по-твоему?

СУЛАМИФЬ. В любви, милый. В любви и доброте. Оглянись и посмотри, сколько вокруг несправедливостей. Вот слезы угнетенных, и нет у них утешителя. А ты еще спрашиваешь, зачем жить.

ЦАРЬ. Ты права, милая. Вся моя хваленая мудрость не стоит твоих простых слов.

Я по жизни бродил, дни бесцельно губя,
Догонял миражи, верил в ложные клады,
Но с тех пор, как, любимая, встретил тебя,
Понял я, что другого мне счастья не надо.

СУЛАМИФЬ.

Я хочу, чтоб судьба нас навеки свела,
Чтобы мы до конца своих дней не расстались,
Чтобы в милых глазах твоих, как в зеркалах,
Вечно счастье мое и любовь отражались.

ЦАРЬ.

Жизнь приманки бросает на нашем пути,
К власти, славе, успеху стремятся невежды,
Всем по-разному хочется к счастью прийти,
У меня ж один путь, одна цель и надежда!

ВМЕСТЕ.

Я хочу, чтоб судьба нас навеки свела,
Чтобы мы до конца своих дней не расстались,
Чтобы в милых глазах твоих, как в зеркалах,
Вечно счастье мое и любовь отражались.

СУЛАМИФЬ. Ничья жизнь не проходит напрасно. Даже я, обыкновенная девушка, оказалась нужной, чтобы скрасить несколько дней великому царю.

ЦАРЬ. *(Улыбаясь)*. И ты тоже называешь меня великим царем?

СУЛАМИФЬ. Тебе это не нравится?

ЦАРЬ. *(Смеется)*. Я велик, если можно так сказать, по должности. Если я сегодня умру, то заступивший на мое место тоже будет именоваться великим царем, каким бы ничтожным он ни был. А меня тут же забудут.

СУЛАМИФЬ. Твое величие вовсе не в том, что ты царь. Ты будешь вечен потому, что ты мудрец и стихотворец. А самое главное...

ЦАРЬ. Что?

СУЛАМИФЬ. Самое главное – ты первый из всех царей на земле перестал воевать. Само имя твое означает «мир». Мир в каждом доме, под каждой смоковницей, в каждом винограднике. Разве такое когда-нибудь забудется?.. Ты почему на меня так смотришь?

ЦАРЬ. Каждое твое слово – подарок. *(Берет лютню).*

Скажи мне – это ты? Ведь столько весен
Ушло напрасно, горьких и пустых.
И вот уж на моем пороге осень,
А я всю жизнь искал тебя в других.

Подумать только – если бы не случай,
Могли бы мы не встретиться, не знать
Такого чуда, радости той жгучей –
Друг друга видеть, слышать, обнимать.

Мы разные. Иначе быть не может.
Клинок и ножны, почва и зерно,
Замок и ключ – они ведь не похожи,
И сходства быть меж ними не должно.

Их смысл в единстве. Так и мы с тобою:
Вдвоем – одно. Исполнились мечты.
Я награжден изменчивой судьбою,
О милая, скажи – ведь это ты?

СУЛАМИФЬ. Я все время думаю – зачем я тебе?

ЦАРЬ. Я привык всегда быть начеку, во всеоружии, защищенным от чужих взоров и мыслей. А с тобой можно наконец снять эту броню, открыться, стать самим собой...

СУЛАМИФЬ. Ты просто устал, мой светлый, устал жить. И тебя подавляет твой собственный ум. Ты вечно размышляешь, рассчитываешь, планируешь, ты стремишься все предвидеть и все учесть. Разве тебе не хочется иногда просто отдаться жизни, ощущать ее, впитывать, вдыхать, как аромат цветка?

ЦАРЬ. Если бы это было возможно...

СУЛАМИФЬ. А почему нет, любимый? Тебе надо просто прижаться ко мне и ни о чем не думать, не спрашивать себя, зачем это, правильно ли это, нужно ли, надолго ли и что будет потом. Тебе нужно немного счастья, немного тепла, вот и все. Это простые вещи, доступные каждому, но как их всем не хватает!

ЦАРЬ. Какое щедрое у тебя сердце.

СУЛАМИФЬ. Ну что ты! Я люблю тебя, люблю очень сильно, но это только начало. Пока я не могу дать тебе ничего, кроме себя самой, но ведь это так мало. Я еще не умею любить как нужно, но я научусь, вот увидишь. Я все время буду для тебя что-то делать. Мне все будет в тебе интересно – твой труд, твои планы, твои сомнения и твои печали. Я прочитаю твои любимые книги и буду петь твои любимые песни. Я полюблю твоих друзей и постараюсь привлечь к тебе твоих врагов. Я научусь быть незаметной, когда ты раздражен, не мешать тебе, когда ты занят, и быть рядом, когда я буду тебе нужна. Любовь – это ежедневный труд, милый, и я с радостью возьму его на себя. А пока я могу подарить тебе лишь свое тело и свою нежность, потому что все это – для тебя, мой царь!

ЦАРЬ. Почему я не встретил тебя раньше?

СУЛАМИФЬ. Зато теперь я твоя навсегда. Если только... *(Умолкает.)*

ЦАРЬ. Что «только»?

СУЛАМИФЬ. Если только ничего не случится.

ЦАРЬ. Что бы ни случилось, мы с тобой узнали радость нашей встречи, и этой радости нас уже никто не лишит.

СУЛАМИФЬ. Да, милый, у нас уже есть целый мир, где мы можем укрыться, и страна воспоминаний, куда нам можно уйти... У нас есть многое, что принадлежит только нам и больше никому – заветные места, и памятные мгновения, и сокровенные слова... И всегда будет с нами аромат весенних цветов, круживший нам головы, и обжигающее прикосновение твоей руки – вот здесь, на шее, под левой щекой, где ты впервые дотронулся до моего тела, - и соединивший нас виноградник, и жаворонок, певший только для нас, и примятая трава на лугу, где я впервые ощутила твою блаженную тяжесть... Этот мир уже сейчас огромен, но ведь ему только семь дней, и ему суждено становиться все богаче и ярче, если только...

ЦАРЬ. Опять твое «если только...» Чего ты боишься?

СУЛАМИФЬ. Не знаю... Этот огромный и враждебный дворец...

ЦАРЬ. Тебя надежно охраняет стража.

СУЛАМИФЬ. Вот именно – стража. Значит, мы чего-то опасаемся.

ЦАРЬ. Ты просто не привыкла.

СУЛАМИФЬ. И не хочу привыкать. Это похоже на тюрьму. Ты можешь представить меня на винограднике в постоянном сопровождении телохранителей?

ЦАРЬ. *(Улыбаясь.)* Нет, милая.

СУЛАМИФЬ. Здесь никто не шутит, не смеется, все напряжены, скованны... И эти «враги», о которых вы все время говорите с Иосафатом...

ЦАРЬ. *(Ласково.)* Ты нас меньше слушай.

СУЛАМИФЬ. Соломон, тебе не нужно их опасаться. Ты считаешь, что врагов много, но ведь их так мало – всего несколько человек во дворце. А разве страна и дворец – одно и то же? Выйди за эти стены - и ты увидишь тысячи протянутых к тебе рук.

ЦАРЬ. Откуда в тебе столько мудрости, Суламифь?

СУЛАМИФЬ. Я так жалею тебя... Мне иногда до слез хочется бежать отсюда домой, к своим кипарисам... Но ты – царь и обречен жить здесь, а я не могу тебя оставить...

ЦАРЬ. *(Печально.)* Значит, и тебе здесь тяжело...

СУЛАМИФЬ. Ты прости, я немножко загрустила. Лучше обними меня крепче...

ЦАРЬ. Но ты не вздумай и вправду сбежать?

СУЛАМИФЬ. Нет, милый, никогда. Я буду с тобой до самой смерти.

Глухо звучат тревожные аккорды.

Ты слышишь?... Сюда идут.

ЦАРЬ. Тебе показалось. Кто осмелится?

СУЛАМИФЬ. Шаги совсем близко.

Царь хочет подняться.

Не вставай, любимый! Ведь ты безоружен.

Музыка звучит все громче. Двери распахиваются, и в покои врывается Гевер. Царь ступает ему навстречу. Гевер, помедлив немного, направляет в него удар кинжала. Но Суламифь уже опередила воина и, закрыв Соломона своим телом, принимает удар на себя. Музыка смолкает. С легким стоном девушка опускается на пол. Царь испуганно склоняется над ней.

ЦАРЬ. Что с тобой, милая?

СУЛАМИФЬ. *(Тихо)*. Ничего страшного. Не волнуйся, мой царь.

Соломон выпрямляется и в упор смотрит на Гевера страшным тяжелым взглядом. Юноша, с мечом в руках, в ужасе отступает..

ЦАРЬ. Ты безумен... Кто послал тебя?

ГЕВЕР. Царица. Но она хотела не твоей смерти.

ЦАРЬ. Почему же ты поднял руку на меня?

ГЕВЕР. Не помню... Ахисар...

ЦАРЬ. Ступай и сдайся страже.

Царь отворачивается от Гевера и тут же забывает о нем. Юноша уходит. Соломон поднимает возлюбленную и несет ее к ложу. И уже звучит музыка – тихая, тревожная, печальная и неумолимая, напоминающая отрывистый стук падающих капель.

Милая, все будет хорошо... Я позову врачей.

СУЛАМИФЬ. Не надо. Давай побудем еще немножко вдвоем. Еще немножко.

ЦАРЬ. Тебе больно?

СУЛАМИФЬ. Не очень. А скоро будет совсем не больно. Вспоминай обо мне хоть иногда, милый. О нашей встрече в винограднике.

ЦАРЬ. Не говори так. Смерть не может коснуться тебя.

СУЛАМИФЬ. Не надо меня жалеть. Я самая счастливая женщина на свете. Я люблю, я любима.

Спасибо тебе, мой царь, спасибо за все!

ЦАРЬ. Не покидай меня!

СУЛАМИФЬ. Я обещала быть с тобой всю жизнь, до самой смерти. Видишь, я сдержала свое обещание.

ЦАРЬ. У нас ведь было всего семь дней.

СУЛАМИФЬ. Для меня это и есть вся жизнь.

ЦАРЬ. Подожди, милая, я искуснее всякого врача. Дай я осмотрю твою рану.

Соломон отводит в сторону руку, которой девушка зажимала рану, и с ужасом видит сочащуюся кровь. Тема падающих капель звучит в музыке все настойчивее, безжалостно отмеряя уходящее время.

СУЛАМИФЬ.

Кровь, кровь, кровь, кровь...

Это ведь кровь, не так ли?

Жизнь и радость, свет и любовь

С нею уходят по капле.

Ночь, ночь, вечная ночь,

Ночь меня обнимает.

Милый, прошу, отгони ее прочь...

Жизнь, как снежинка, тает.

Жить, жить, жить, жить,

Жить так хочется, милый!

Шепоты леса и солнце во ржи

Разве возьмешь в могилу?

Губ, рук, слов твоих, ласк

Время пришло лишиться.
 Дай же взглянуть на тебя еще раз,
 Взглянуть - и навек проститься.

ЦАРЬ.

Нет, нет, нет, нет!
 Лживы смерти предвестья!
 Мы будем жить еще тысячу лет
 Вместе и только вместе!

СУЛАМИФЬ.

Тьма, тьма, тьма, тьма,
 Тьма глаза застилает.
 Медленно пятясь в черный туман,
 Мир от меня ускользает.

Смерть, смерть... *(Умирает)*.

ЦАРЬ.

...Смерть, смерть,
 Ты свое сделала дело.
 Кто тебя звал сюда, тощая жердь?
 Как ты явиться смела?

Мысль, страсть, смех, стон –
 Все это прочь отлетело.
 Та, что лучилась ярким огнем,
 Стала бесчувственным телом.

Губ, рук, слов твоих, ласк
 Время пришло лишиться.
 Дай же взглянуть на тебя еще раз,
 Взглянуть - и навек проститься.

7. Скорбь

Парадный зал во дворце. Царь сидит на троне, холодный и безучастный. Иосафат докладывает ему о государственных делах. Писцы застыли с перьями в руках, готовые занести в свитки каждое слово царя.

ИОСАФАТ. Я еще не утомил тебя, великий царь?

Царь не отвечает.

Тогда я продолжу свой доклад. Следствие по делу о заговоре закончено. Ахисар, Натан и... и известная тебе царственная особа признаны виновными и заслуживающими смертной казни. *(Заметив, что царь не слушает его)*. Великий царь!

ЦАРЬ. *(Оторвавшись от своих мыслей)*. Я слушаю тебя, Иосафат.

ИОСАФАТ. Обвиняемые ждут твоего приговора.

ЦАРЬ. Доставьте их сюда.

Один из стражников бросается выполнять приказание.

А пока приведите Гевера.

ИОСАФАТ. Великий царь...

ЦАРЬ. Да?

ИОСАФАТ. Гевера нет. В ту же ночь он заколол себя мечом.

ЦАРЬ. *(Про себя, с болью)*. Тебя нет тоже...

ИОСАФАТ. Стража не знает, что делать с его телом – похоронить ли с почетом как вельможу или бросить псам как изменника. Как прикажешь поступить? Может, отдать тело его близким?

ЦАРЬ. У него не было близких, кроме меня. Похороните его без почестей, но достойно.

Стража вводит Ахисара. Военачальник и Царь смотрят друг на друга.

АХИСАР. Я не хотел ее смерти, Соломон.

ЦАРЬ. Я знаю.

АХИСАР. Если хочешь отомстить, казни египтянку. Она дала ему травы и научила.

ЦАРЬ. Я знаю. Ну, а чего же хотел ты?

АХИСАР. Я хотел честно и прямо, безо всяких хитростей, убить тебя. Нужно было не доверять столь важное дело этому слюнтяю, а сделать его самому.

ЦАРЬ. У тебя еще будет такая возможность. *(Страже)*. Освободите его. *(Ахисару)*. Ты хороший полководец, Ахисар, но от безделья влез в интриги, в которых ничего не смыслишь. Я назначаю тебя начальником пограничного войска. Иди и воюй. И постарайся образумиться.

АХИСАР. Великий царь... Я не изменю тебе больше. *(Уходит)*.

ЦАРЬ. Как продвигаются мирные переговоры?

ИОСАФАТ. Посол фараона отказался почти от всех своих требований. Он настаивает теперь только на одном – на свободе веры.

ЦАРЬ. Значит, и эту войну мы все-таки выиграли.

ИОСАФАТ. Да, и снова без жертв.

ЦАРЬ. *(Медленно)*. Да, почти без жертв. *(Про себя)*. Ты права, милая, ни одна жизнь не проходит бесследно...

ИОСАФАТ. *(Осторожно)*. Великий царь, мы ждем твоих повелений.

ЦАРЬ. Скажи послу, что мы принимаем его условие. Мы построим храмы египетским и прочим богам. Но...

Писцы лихорадочно записывают.

ИОСАФАТ. Мы слушаем, царь.

ЦАРЬ. ...Но мы бедны, а для строительства храмов нужно золото, много золота. Пусть Египет даст его.

ИОСАФАТ. И мы построим на эти деньги новые города. Как ты мудр, государь! Только вот...

ЦАРЬ. Что?

ИОСАФАТ. Мир этот ненадежен, и египтянам достаточно будет малейшего повода, чтобы его нарушить. А царица – дочь фараона, и если...

ЦАРЬ. *(Прерывая, показывает Иосафату запечатанный свиток)*. Я уже принял решение о ее судьбе. Пригласите царицу.

Стражники спешат исполнить приказ. Начинает звучать музыка – сначала еле слышно, потом чуть громче, постепенно заглушая слова Иосафата.

ИОСАФАТ. Великий царь, меня глубоко тревожат политические последствия смертного приговора царице. Фараон не простит нам, если...

Голос Иосафата пропадает. Освещение меняется, и Царь снова видит перед собой Суламифь, поющую среди кипарисов.

СУЛАМИФЬ.

Снова утро мне дарит алмазные росы,
Солнце золотом льется, теплом янтаря,
Мягко светится рощ изумрудная россыпь,
И рубинами ярко пылает заря.

Снова утро томит ожиданием счастья,
Дразнит вечной загадкой встающего дня,
Ведь судьба каждый миг может в дверь постучаться,
Радость, горе ль она принесет для меня?

ЦАРЬ. Ты жива, милая?

СУЛАМИФЬ. Только для тебя, мой царь.

ЦАРЬ. Теперь ты знаешь, что принесла тебе судьба?

СУЛАМИФЬ. Да, милый. Она принесла мне радость.

ЦАРЬ. «Радость»... Кто мог знать в то утро, что тебе осталось жить всего семь дней? Если бы не я, ты и теперь продолжала бы петь в своем винограднике.

СУЛАМИФЬ. И мы бы не встретились.

ЦАРЬ. Милая, я люблю тебя. Почему я не говорил тебе об этом?

СУЛАМИФЬ. Ты говорил, мой царь.

ЦАРЬ. Но очень мало. Я вообще не успел тебе ничего сказать.

СУЛАМИФЬ. Не огорчайся, любимый. Я и так все знаю.

ЦАРЬ. Что мне делать, Суламифь?

СУЛАМИФЬ. Жить, милый. Все, что рука твоя может делать, по силам делай. Потому что там, где я теперь, нет ни работы, ни размышления, ни жизни, ни мудрости. Живи и выполняй задуманное, пока не сломалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника... Ты меня слушаешь, великий царь?

ЦАРЬ. Да, милая.

СУЛАМИФЬ. *(Громким, чужим голосом)*. Великий царь!

Царь вздрагивает и озирается. Его возлюбленная исчезла. Он снова на троне в окружении почтительных советников.

ИОСАФАТ. Великий царь! Ты слушаешь меня?

ЦАРЬ. Да, друг мой.

ИОСАФАТ. Царица ждет твоего слова.

ЦАРЬ. Пусть она войдет.

Входит Нурит. Соломон сходит с трона и опускается перед ней на колени в церемониальном приветствии. Все следуют его примеру.

Мир тебе, великая царица!

НУРИТ. Соломон, удали этих людей. Я должна поговорить с тобой.

Царь, не слушая Нурит, сажает ее на свой трон и сам становится рядом.

ЦАРЬ. Иосафат, прочитай подготовленный нами указ.

ИОСАФАТ. *(Берет свиток)*. Великая царица! Государь повелел, чтобы в знак вечной дружбы с Египтом с сегодняшнего дня тебе воздавались не только царские, но и божеские почести, как это принято в стране фараона.

Звучат фанфары.

НУРИТ. Но я вовсе не хочу быть богиней!..

ЦАРЬ. Читай дальше, Иосафат.

ИОСАФАТ. Царь повелевает далее, чтобы в твою честь, о богиня и царица, на высокой неприступной скале был воздвигнут храм с крепкими башнями.

НУРИТ. Что это значит, Соломон?

ЦАРЬ. Ты поселишься в нем до конца своих дней и ни разу не выйдешь из его стен.

НУРИТ. Ты не посмеешь.

Царь не отвечает.

НУРИТ. Соломон, в тебе есть жалость?

Царь молчит.

Я понимаю, девушка мертва...

ЦАРЬ. Да? Ты понимаешь? А я все еще не могу этого понять.

НУРИТ. Клянусь тебе, я очень сожалею...

ЦАРЬ. Твое сожаление не воскресит ее. Прощай. Ты больше никогда не увидишь моего лица.

Царь и Нурит долго смотрят друг на друга. Царицу уводят.

Иосафат, передай послу, что один египетский храм уже строится в честь Нурит.

Писцы заносят в свитки слова Царя. Стражники вводят Натана. Царь обращается к нему.

Подойди ближе. Натан. Зачем ты убил ее?

НАТАН. У меня были свои цели.

ЦАРЬ. В этом ответе твоя сущность. Разве можно ради своих целей и вообще ради каких-то целей убивать?

Натан молчит.

Я любил тебя, Натан. Я буду часто вспоминать тебя – но не мрачным фанатиком этих горьких дней, а мудрым воспитателем, у которого я ребенком любил играть на коленях.

НАТАН. Ты хочешь меня казнить?

Соломон не отвечает.

Ты ведь никого никогда не убивал.

ЦАРЬ. Когда я был еще маленьким, ты учил меня играть в шахматы. Однажды, проиграв партию, я в гневе разломал фигуры. И тогда ты остановил меня и сказал: виноваты не пешки, виноват игрок.

НАТАН. Да, я помню.

ЦАРЬ. Ты ловко двигал фигурами, но все-таки проиграл.

НАТАН. Умереть – еще не значит проиграть. Я добился своего.

ЦАРЬ. Нет, ты проиграл. Знай – войны не будет. Людям позволят верить в кого и во что они хотят. Священники перестанут лезть в государственные дела, а солдафоны – заниматься политикой.

НАТАН. Обстоятельства еще заставят тебя измениться.

ЦАРЬ. Нет, учитель. До сих пор я избегал войн во имя разума и пользы. Теперь я не буду допускать кровопролития еще и во имя любви и доброты. И потому, пока я жив, будет мир – в каждом доме, под каждой смоковницей... Пока не сломалась серебряная цепочка и не разбился кувшин у источника...

НАТАН. Когда я умру?

ЦАРЬ. Через несколько минут. Ты дрогнул?

НАТАН. Нет. Священнику не нужно много времени, чтобы подготовиться к вечному покою. Но я не ожидал, что это будет так скоро.

ЦАРЬ. «Скоро»? Ты умираешь в семьдесят лет, а не в семнадцать. Прощай.

Натана уводят.

У тебя есть еще ко мне неотложные дела, Иосафат?

ИОСАФАТ. Да, государь. Нужно обсудить указ об открытии новых школ, в которых ты хотел готовить строителей, ремесленников, художников, музыкантов...

Но Соломон уже не слышит своего советника. Он опять в саду рядом с возлюбленной.

СУЛАМИФЬ. Ты снова со мной, мой царь?

ЦАРЬ. Я и не уходил от тебя, милая. Я никогда не покидаю наш сад. Я как родник, которому некуда больше течь и который поэтому высох. Кому мне излить свою душу?

СУЛАМИФЬ. Ты не только царь царей, но и поэт среди поэтов. Напиши песню о нашей любви – лучшую из всех песен.

ЦАРЬ. Песнь Песней...

СУЛАМИФЬ. Пройдут тысячи лет, храм твой разрушится, но Песнь Песней сохранится, и в памяти людей мы навсегда останемся вместе. Будь же радостней, милый!

Положи меня, как печать,
Как печать, на сердце твое,
Как печать, на сердце твое,
Как кольцо, на руку твою.

Расцветают ярко цветы,
Ты в дом пира вводишь меня,
Знамя пира реет над ним,
Это знамя – наша любовь.

И царит над миром любовь,
И светла, как солнце, любовь,
И дает нам счастье любовь,
И сильнее смерти любовь!

ГОЛОС ИОСАФАТА. Великий царь! Что с тобой?

Царь снова в своем дворце. В отчаянии он озирается вокруг, пытается найти рядом с собой возлюбленную.

ЦАРЬ. Уйдите все.

ИОСАФАТ. *(Беспокойно)*. Великий царь...

ЦАРЬ. Оставьте меня одного.

Робко пятясь, удаляются писцы. Помедлив, уходит Иосафат. Царь остается в пустом зале один со своими воспоминаниями и со своей любовью и скорбью.

Конец